

ОСНОВОПОЛОЖНИК немецкой национальной литературы и крупнейший театр Австрии — это сочетание обещало московским зрителям спектакль серьезный и значительный. И пусть сам автор в момент создания драмы, названной им «драматической поэмой», сомневался в ее сценичности, вот уже более ста пятидесяти лет «Натан Мудрый» не исчезает из репертуара театров всего мира, а заглавная роль стала излюбленной ролью известнейших актеров (достаточно вспомнить Карла Зейделя, Эрнста Посарта, Адольфа Зонненшталя и других). В чем же секрет этого неожиданного успеха, этой неизменной популярности пьесы? Ведь события ее отнесены в давние времена XII в. — эпоху крестовых походов, местом действия служит далекий Иерусалим, сюжет основан на сухих религиозных спорах, столкновении религии и морали, да и вся драма написана как продолжение полемики Лессинга с пастором Геге, записавшим догматическую сторону христианства.

Величие Лессинга заключается в том, что он сумел настолько углубить и обобщить эти, казалось бы, частные и чуждые проблемы, что они и спустя почти двести лет волнуют своей непреходящей актуальностью. Недаром Лессинга так высоко ценили русские революционные демократы, и Н. Чернышевский писал: «Он ближе к нашему веку, нежели сам Геге, взгляд его прозорливее и глубже, понятия его шире и гуманнее».

Так же современно раскрыл пьесу советскому зрителю и венский Бургтеатр, прославившийся глубоким реалистическим толкованием мировой классики и неоднократно обранавшийся к «Натану Мудрому».

В спектакле Леопольда Линдбер-

«НАТАН МУДРЫЙ» И БУРГТЕАТР

га есть основное — зрелая мудрость автора, его прогрессивный гуманизм, боевая устремленность. Да, в пьесе враждуют три религии, представленные тремя центральными персонажами — евреем Натаном, мусульманином Саладином и христианином храмовником. Враги по религиозным убеждениям, все они оказываются в конце людьми близкими, даже родственниками. При помощи этой сюжетной схемы Лессинг решает важнейшую гуманистическую проблему — соотношение идейных принципов и их реального воплощения. Разве самое главное в мире не есть человек, и разве его человеческое достоинство и нравственность определяются его происхождением, вероисповеданием, а не его собственным характером, реальными поступками, делами «по совести и долгу»?

И все это постигает в драме Лессинга Натан, по прозвищу Мудрый, благословенно выгнанный в спектакле Бургтеатра старейшим немецким актером Эрнстом Дейчем. Какое оно большое и какое разное, это понятие «мудрый» в его исполнении. Оно означает и озаренность — как постиг он со своей приемной дочерью Рэхой. И человеколюбие — не отвлеченную доброту, а подлинное внимание к окружающим его людям. И злую иронию в разоблачении косного догматизма. И философскую просветленность в доказательстве того, что человек есть человек без божественного вмешательства. И умение страдать от

жизненной несправедливости. И, наконец, веру в необходимость и возможность освобождения человеческой личности от всех предрассудков.

Натан — Э. Дейч — человек, и «ничто человеческое ему не чуждо». Трудно забыть, как он встречается с людьми, как находит к ним свой мудрый, собственный подход. Оценивает молча, обдумывает, начинает говорить. Вот первая встреча с молодым храмовником: Натан — Дейч насторожен, удивлен и совсем не обижен резкостью собеседника, чутко и внимателен, и вот уже протянуты руки, между недавними врагами возникает дружба. Дейч сдержан, внешне статичен, но сколько эмоциональной силы, движения мысли заключено в его спокойных позах, скупых жестах! Ни на секунду не перестает он думать, глубоко, сосредоточенно, пронзительно, — его мысли, его доказательства нужны людям. Поэтому мысль такого Натана почти гипнотически действует на окружающих. Прекрасно, когда актер хорошо говорит на сцене, и актеров Бургтеатра, воспитанных в духе традиций Worl Regie (режиссуры речи) замечательного австрийского режиссера Гирриха Лаубе, нельзя упрекнуть в недостатках речи. Но еще прекраснее, когда актер на сцене думает, утверждая этим победу человеческой мудрости как единственного светоча, противостоящего злу, гнету, насилию и несправедливости. Таким появляется Эрнст Дейч в спектакле, таким и

исчезает (прекрасно решенный финал!), как сама истина, — внешне как будто незаметно, но оставляя свой след навсегда.

В прекрасном ансамбле Бургтеатра исполнители всех ролей являются достойными партнерами Эрнста Дейча. Это и нежная, порывистая Рэх — Анемария Дюрингер, и гордый благородный храмовник — Вольфганг Штендар, и стремительный дервиш Али-Гафи — Хельмут Янач, и предавшая бегхитростная Дайя — Адриенна Гесснер. И сам султан Саладин — Хейнц Вестер со своей сестрой Зиттой — Ева Цильхор. И все они — тоже люди, страдающие от предрассудков, освободиться от которых им помогает мудрость Натана. Даже хитроватый послушник — Герман Тимиг отказывается от выполнения злой воли патриарха и тайно начинает служить правде и справедливости.

Послитель отрицательного начала здесь, в сущности, один человек — патриарх иерусалимский (Ганс Обопайя), наделенный и христианской верой, и высоким саном, и огромными полномочиями. Но весь его облик, похожий на лилового полугая, пуст и бессмыслен, на все вопросы у него заранее готов ханжеский ответ, приличествующее данному случаю решение.

Простота и доходчивость идей, заложенных в спектакле, полностью соответствует и оформлению, решенное в одной, ясной, светло-желтой гамме (художник Лени Бауэр-Экш). Никакой избыточности, никаких мелких, ненужных деталей. Строгими и величественными высятся на сцене тонкие пальмы, белым кружевным рисунком изображен дом Саладина. Полетные классические рамки классической пьесы.

Т. ПУТИНЦЕВА,
кандидат искусствоведения.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
М. МОСКВА

17 ЯНВ. 1957